

Л А Н А Ш Е Р

УБИЙСТВО
В СТАРОЙ
ОПЕРЕ

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш49

Ответственный редактор *Екатерина Тёрина*
Дизайн обложки *Максима Костенко*

В оформлении коллажа на обложке использована фотография:
© Ddesign.gertect / Shutterstock.com / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Шер, Лана.

Ш49 Убийство в старой опере / Лана Шер. — Москва : Эксмо, 2025. — 176 с.

ISBN 978-5-04-213900-0

Эмигрантка из России Лана Шервинг ведет жизнь мечты — у нее прекрасная семья, роскошная квартира во Франкфурте-на-Майне, много времени на себя. Но однажды утром она обнаруживает в парке обезглавленный труп обнаженной девушки, и в ней просыпается азарт детектива. Более того, Лана уверена, что именно она сможет помочь следствию, быстро зашедшему в тупик.

Маркус Добберт — вице-комиссар полиции, и он привык добиваться всего сам. Но дело об обезглавленном трупе ставит под вопрос всю его карьеру. Обычные методы расследования не дают результатов, зато есть очень активная и раздражающая свидетельница, которая, кажется, знает всех в этом городе.

Так кто же обезглавил неизвестную прямо перед офисом франкфуртской полиции? И по какой причине: из-за любви, из страха, из ревности... или из-за огромных денег?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-213900-0

© Шер Л., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

*Свою первую книгу я посвящаю моей любимой дочери Саре.
Помни, что я люблю тебя
Твоя мама.*

Глава 1

Лето выдалось невыносимо жарким. Термометр показывал тридцать восемь градусов уже несколько недель. Аномальная погода для Германии. По радио и телевидению говорили, что последний раз подобная жара случилась сто двадцать лет назад. Призывали не выходить на улицу без надобности и пить побольше воды.

В городе нечем было дышать. Все, кто мог уехать, уехали. Остальные старались покинуть город и держаться поближе к водоемам. Близлежащие к Франкфурту озера были битком забиты так, что яблоку негде упасть.

Спать было невозможно. Спасительная прохлада не наступала даже ночью. Промучившись полночи, потому что, с одной стороны, очень хотелось спать, а с другой — из-за жары невозможно было задремать, последнее, чего сейчас хотела бы Лана Шервинг — это встать с кровати. Но ничего не попишешь — нужно было вывести на прогулку собаку. Французский бульдог по кличке Старбакс нетерпеливо подпрыгивал на месте и покусывал от нетерпения.

Муж уже давно встал и даже успел принять душ. Лана быстро одевалась, ведь ей очень не хотелось вытирать за собакой лужу. Лана улыбнулась вышедшему из душа супругу и спросила его:

— Ты чего так рано встал? Поспал бы еще.

— Да как спать при такой жаре? У меня встреча сегодня в Цюрихе. Поеду пораньше, пока пекло не началось. Через пятнадцать минут водитель приедет.

— Ну, тогда легкой дороги, а я побежала с Басей на прогулку.

Лана нацепила на собаку поводок и быстрым шагом вышла из квартиры. Спустившись на скоростном лифте, она нос к носу столкнулась с водителем.

Поздоровавшись с ним, Лана попросила его подождать в машине и не подниматься, чтобы не разбудить детей, и они вместе вышли из подъезда. Пожелав шоферу счастливой дороги, она попросила, чтобы тот не превышал скорость и был осторожен, а сама трусцой с Басей побежала в парк. Терпение у собаки почти закончилось, и она нещадно тянула хозяйку вперед.

Едва забежав в парк, Бася сразу устроилась в ближайших кустах. К удивлению Ланы, сделав свои дела, собака не повернула в сторону дома, как обычно, а устремилась в глубь парка.

Совершать длительную прогулку Лане не хотелось, но что поделаешь, собаке нужно больше двигаться. Ветеринар сказала, что, как и у большинства французских бульдогов, у Старбакс, дома именуемой Басей, есть признаки ожирения, а это очень опасно для собачьего здоровья.

Неожиданно Бася рванула в сторону и замерла, уставившись в одну точку. Лана присмотрелась. Со своими минус пять даже в очках она не могла разобрать, что привлекло внимание собаки. Казалось, на скамейке кто-то сидит. Или что-то стоит или лежит. Понять было невозможно. Было в этой картине что-то неестественное.

Собака вновь потянула вперед. Лана оглянулась вокруг. Обычно это место абсолютно безопасное. Парк находился в центре города, прямо напротив Альте Опера с одной стороны и Главным управлением криминальной полиции с другой. Здесь всегда, даже в этот час, много любителей утренних пробежек и собачников.

Из-за близости к Управлению криминальной полиции, в Германии именуемой «КРИПО», возле парка всегда дежурила патрульная машина. Но сейчас не было ни любителей утренних пробежек, ни собачников, даже для них было слишком рано. На удивление Лана не увидела и полицейской машины. Стало жутко.

Бася продолжала тянуть и поскуливать, и непроизвольно Лана сделала несколько шагов вперед. Сделала и замерла как вкопанная. Теперь она отчетливо смогла разглядеть предмет на скамейке. Разум отказывался верить в увиденное. Страх иглами впился в мозг, причиняя почти физическую боль. Лане показалось, что на нее упала бетонная плита и буквально раздавила, обездвижила ее. Слух обострился до предела, и возникло ощущение, что сердце стучит, как молот о наковальню, и этот звук

разносится по всему парку. Страх, черный, липкий и противный, как болотная жижа, облепил все тело, проник в каждую клеточку и заставил содрогнуться от омерзения.

Может, это какой-то прикол, чтобы поугадать случайных прохожих, которые забрели в эту часть парка? Глупый розыгрыш? Кто-то сидит в кустах, снимает реакцию людей на телефон для ролика в Tik-Tok и посмеивается про себя? Сейчас он выскочит и радостно крикнет: «Ну что, поверили?» Но никто не выскочил и не закричал.

Лана поняла: то, что она видит, — реально. Во рту стало сухо и кисло, кожа покрылась мурашками, а тело забила мелкая дрожь. Казалось, волосы на голове встали дыбом. Она попыталась закричать, но крик застрял в горле, вместо этого получились только хриплые звуки.

На скамейке сидела абсолютно голая девушка. Голова отсутствовала, вся грудь была залита кровью. На земле под скамейкой расплылось огромное багровое пятно.

То, что это девушка, было понятно по высокой и красивой груди, какая бывает только у очень молодых девушек не старше двадцати пяти лет. Живот, напротив, выглядел ужасно — дряблый и висячий, перечеркнутый огромным поперечным шрамом. Складывалось впечатление, что это две половины от разных тел. Кто-то разрезал тела пополам, а потом из двух сшил одно. И еще отрезал жертве голову.

Воображение начало рисовать ужасающие картины, от которых в глазах потемнело; бой молота о наковальню, который до сих пор стоял в ушах, сменился зловещей тишиной, а ноги подкосились.

Лана осела на землю. Ее глаза оказались на одном уровне с коленями девушки. Ноги были длинные и стройные, это было видно, хотя мертвая сидела, точно прилежная ученица, на коленях сложив руки, сплошь покрытые мелкими замысловатыми татуировками, больше похожими на детские рисунки. Пальцы были изуродованы, как если бы кто-то пытался их отрезать, но не смог. На них дорогие кольца. Часы на запястье тоже от известного бренда. То, что все украшения на девушке не подделка, сомнений не вызывало.

Лана сама носила точно такие же и хорошо в этом разбиралась.

Рядом под скамейкой лежала люксовая сумка. Выйдя из оцепенения, Лана схватила свой телефон, висящий на цепочке на шее, и стала набирать номер полиции. Пальцы и так плохо слушались, еще и собака очень мешала. Учувя странный запах, Бася все время порывалась подойти ближе к бордовой луже возле скамейки.

Наконец-то удалось набрать номер полиции. Ответили сразу же.

— Городская полиция Франкфурта-на-Майне, говорите.

Лане хотелось закричать, но в ответ она только сипло прошептала:

— Я Лана, Лана Шервинг. Тут девушка, она мертвая...

— Лана Шервинг, где вы находитесь?

— В парке напротив Альте Опера и рядом со зданием КРИПО.

— С вами есть кто-нибудь?

— Да, моя собака. Пожалуйста... пожалуйста, не спрашивайте меня ни о чем, просто быстрее приезжайте.

Лана зарыдала в голос.

— Пожалуйста, успокойтесь. Вы меня слышите?

— Да, слышу, приезжайте как можно скорее, мне очень страшно. Вдруг он до сих пор поблизости.

— Кто, простите?

— Тот, кто ее убил.

— Вы знаете эту девушку? Вы видели кого-нибудь рядом с ней, когда обнаружили ее?

— Нет...

— Вы уверены, что девушка мертва? — продолжал допытываться дежурный.

— Да, да, да! — Лана не выдержала. — Она без головы! Разве человек может жить без головы?!

— Что значит «без головы»?

— То и значит! Ей отрезали голову! Хватит меня расспрашивать, приезжайте быстрее!

— Успокойтесь, к вам едут сразу несколько патрульных машин. Пожалуйста, никуда не уходите.

Не в силах продолжать этот разговор, Лана нажала на отбой. Вдалеке послышался вой сразу нескольких сирен.

Словно сомневаясь, что это зрелище не может быть реальным, и опасаясь, что до приезда полиции убитая исчезнет и тогда ни-

кто ей не поверит и сочтут сумасшедшей, Лана сделала несколько снимков на телефон. И даже проверила, есть ли труп на фотографии. Вдруг это какой-нибудь фантом, который невозможно сфотографировать, и снимок окажется пустым. Она смотрела как-то передачу про такие аномалии. Но труп на фотографии был.

Одновременно подъехали три полицейские машины, из них вышли люди в форме и направились к Лане.

Наступило облегчение, что теперь она не одна, теперь не так страшно, и в то же время пришло осознание всего ужаса произошедшего. Лана тихонько завывала, а потом зарыдала в голос.

Подошли полицейские.

— Вы вызвали полицию?

Она кивнула.

— Вы Лана Шервинг?

Опять кивок.

— Вы можете говорить?

— Да... Да, сейчас, сейчас.

Лана стала глубоко и шумно дышать, чтобы успокоиться. Через некоторое время упражнение помогло, и она перестала всхлипывать. Тело до сих пор была мелкая дрожь.

— Вам нужна медицинская помощь? Вы ранены?

— Нет-нет, я в порядке, не надо «Скорой». Я справлюсь.

— Вы можете встать? Вам нужна помощь?

— Нет, не надо, я сама.

Лана попыталась подняться, но ноги не слушались и подгибались, как будто принадлежали не ей, а были чужие.

— Позвольте, мы вам поможем.

Полицейские подняли Лану под руки. Бася внимательно осмотрела подошедших. Она явно устала сидеть возле хозяйки без дела. Увидев, что вокруг происходит что-то интересное, собака начала радостно пританцовывать и вилять остатком хвоста.

К Лане подошел человек невысокого роста, одетый в гражданское. Несмотря на рост и неприметную внешность, чувствовалось, что он здесь главный. При его появлении все полицейские перестали суетиться и уставились на мужчину в ожидании приказов.

— Вы сможете проехать с нами и ответить на несколько вопросов? — спросил он спокойно у девушки.

— Да, смогу.

— Вы уверены?

— Да.

Мужчина обратился к одному из офицеров, держащих Лану под руку:

— Так, давайте, обойдите парк и проследите, чтобы место преступления затянули лентой. Выставите посты, чтобы никто не зашел и не вышел.

Но было поздно. Большое скопление полицейских, машины с включенными проблесковыми маячками и вой сирен привлекли внимание зевак из любителей утренних пробежек. Здесь явно произошло что-то интересное, из ряда вон выходящее. Некоторые зевачи уже снимали видео и фотографировали тело на скамейке на телефоны.

Главный побагровел:

— Быстро разогнать! — он указал в сторону толпы. — И проследите, чтобы стерли все фотографии и видео с места убийства. Нам сейчас только зрителей не хватает. Не дай бог, что-то просочится в прессу или в соцсети. Криминалисты скоро придут. Накройте тело и смотрите не затопчите тут все сами. Давайте я возьму свидетельницу под руку.

Офицер молча кивнул и удалился.

— Вы идти можете? — Главный обратился к Лане.

— Да, только не быстро. И возьмите мою собаку, пожалуйста.

Он без возражений принял из ее безвольных рук поводок.

— Здесь идти недалеко, буквально несколько шагов, вон туда — в то здание, — он указал на здание управления. — Дойдете?

Лана кивнула. Они не спеша двинулись вперед. Идти становилось легче с каждым шагом. Лана хотела сказать, что дойдет сама, но передумала.

Через несколько минут они подошли к зданию Главного управления криминальной полиции.

Шестиэтажное здание было целиком из черного непрозрачного стекла. Скорее всего, оно выглядело бы зловеще, если бы в нем, как в зеркале, не отражалось здание Альте Опера, символ Франкфурта-на-Майне. Казалось, что самого КРИПО нет, а есть продолжение фасада Оперы. Надпись на барельефе Старой Оперы, отражающаяся на зеркальной поверхности, гласила: «Доброму, Вечному, Прекрасному». Учитывая, что КРИПО занимается

самыми тяжкими преступлениями, в том числе и расследованием убийств, в этом было столько сарказма и несоответствия, что надпись выглядела как издевка.

Вместе с полицейским Лана зашла внутрь, и они поднялись на лифте на четвертый этаж. На двери, которую открыл Главный, как про себя окрестила его Лана, была латунная табличка с надписью: «Маркус Добберт, вице-комиссар». В кабинете полицейский предложил Лане присесть.

Девушку до сих пор била мелкая дрожь, руки и ноги были ледяные, и очень хотелось согреться.

— Можно мне кофе? — попросила она.

— Да, конечно, сейчас принесу.

Внезапно силы покинули Лану, она почувствовала, что смертельно устала. Даже сидеть было тяжело. Обхватив себя руками за плечи, женщина согнулась пополам, облокотившись на свои колени.

Будучи от природы очень умной и сообразительной, собака забеспокоилась, видя хозяйку такой подавленной. Бася подошла, поднялась на задние лапы, а передние поставила на колени Лане так, будто пыталась обнять хозяйку, и лизнула лицо.

Лана обняла собаку:

— Бася, ну что ты? Не волнуйся, все хорошо. Вот скажи, зачем ты туда побежала? Во что ты нас втянула и что нам теперь со всем этим делать?

Собака опустила глаза, как будто извиняясь. Затем опять попыталась лизнуть хозяйку в нос. Лана увернулась и почесала питомицу за ухом, тем самым показывая, что на самом деле она на нее не сердится.

Глава 2

Маркус Добберт появился в кабинете через несколько минут с двумя картонными стаканчиками в руках и полулитровой бутылкой воды под мышкой.

Бутылку и один стаканчик с кофе он поставил на стол перед Ланой, со вторым сел в кресло напротив.

- Спасибо, — поблагодарила девушка.
- Выпейте, успокойтесь, потом начнем.
- Хорошо, — кивнула она.

В кабинете было жарко и душно. Кондиционера не было, а жужжащий вентилятор только действовал Маркусу на нервы, но ничуть не охлаждал воздух.

Хотелось пить и спать, а еще не мешало бы поесть. Но за второй бутылкой воды идти было лень. Маркус попытался сообразить, когда и что он ел в последний раз. Думать было невыносимо тяжело. Приходилось прилагать усилия, чтобы удержать слипающиеся от усталости глаза открытыми.

Пошли вторые сутки без сна. Он не мог припомнить такой богатой на события ночи. Последняя надежда оставалась на кофе.

Маркус Добберт устало откинулся в кресле и посмотрел на свое отражение в окне. Увиденным он остался доволен, хоть и выглядел слегка помятым. Впрочем, Маркус всегда был доволен собой и обожал любоваться собой. Его тело, сплошь состоящее из кубиков и рельефных мышц, было результатом многолетнего труда и дисциплины. И, несомненно, его гордостью. Этим он пытался компенсировать весьма невысокий рост.

Будучи от природы рыжим, Маркус ненавидел свой цвет волос из-за постоянных насмешек и обидных прозвищ в детстве.

Как только Маркус поступил на учебу в военный институт, он сразу же обрелся наголо. Вид у него стал brutalный и очень самодовольный. Но это был лишь фасад, лишь то, что он хотел показать другим. То, что он, Маркус Добберт, разрешал им видеть.

За железную хватку коллеги и недоброжелатели, коих в самом Управлении и в смежных ведомствах было полно, Маркуса прозвали Добберманом. Маркуса недолюбливали и завидовали ему.

К своим сорока двум Маркус сделал головокружительную карьеру. Офицер Добберт был вице-комиссаром КРИПО и начальником отдела по расследованию особо тяжких преступлений. Самым молодым за всю историю. Его перевели из Магдебурга, города в Восточной Германии, где он родился и вырос, окончил университет и дослужился до криминалиста. Любой другой на его месте гордился бы собой и своими достижениями. Любой, но только не Маркус Добберт. С самого начала он метил в кресло начальника Франкфуртского управления криминальной полиции, но руководство, занимающееся назначениями, посчитало иначе.

Выросший в бедной многодетной семье, Маркус был очень амбициозен. Он был одержим идеей стать известным, власть имущим и богатым и отчетливо помнил день, когда родилась эта цель, главная в его жизни.

Был первый учебный день после летних каникул. В этот день обнаружилось, что за лето нога Маркуса выросла на три размера, а старые ботинки двух старших братьев ему безнадежно малы и в школу идти не в чем.

Мать стала ругаться, а потом заплакала. Маркус смотрел на нее, и ему тоже ужасно хотелось заплакать и закричать, что он не знал, что у него выросла нога. Летом они всегда ходили босиком, чтобы не портить обувь. Мать сама спрятала башмаки, чтобы он тайком не надевал и не угробил их до школы.

Но вместо этого он стоял, смотрел на плачущую мать и чувствовал себя очень виноватым. Виноватым в том, что у него выросла нога, что нет денег и что мать плачет.

Выход все-таки нашли. Дед одолжил свои старые галоши, в которых работал на огороде, а мать сказала, что с зарплаты что-нибудь купит, но зарплата будет только через две недели.

Маркус эти две недели ходил в школу в дедовых галошах, и если раньше его дразнили только за маленький рост, субтильное телосложение и огненно-рыжие волосы, то теперь за галоши ему досталось по полной.

Первый день после школы он проплакал до ночи и поклялся, что никто не заставит его пойти завтра в школу ни в галошах, ни без них.

Даже если мать начнет плакать и ругаться, как она всегда делала, а отец достанет ремень, он ни за что не сдастся. Таких унижений от одноклассников он больше не вынесет, а отстаивать свою позицию силой тоже не сможет, он самый низкий и щуплый в классе.

Маркус решил не откладывать свое решение на завтра и объявил родителям о своих планах вечером. Объявил и гордо удалился в комнату, которую делил с еще двумя братьями.

Две сестры занимали чулан без окон, так что мальчишки находились в лучших условиях, несмотря на то что три койки не могли поместиться в такой крошечной комнате и стояли одна на другой, в три этажа.

Через несколько минут зашел отец. Он был очень спокоен и даже без ремня. Сел на нижнюю кровать, а Маркус лежал на своем третьем ярусе лицом в подушку и ждал, что будет.

Отец сказал: «Маркус, сынок, мы с мамой работаем с утра до ночи, чтобы дать вам пятерым все необходимое, но у нас не всегда получается, как бы мы ни старались. Если ты хочешь жить лучше, ты должен хорошо учиться, после школы идти учиться дальше и получить профессию, только так можно достойно зарабатывать. Если ты не будешь учиться, то придется гнуть спину на двух работах за копейки, как мы с мамой. А в школе не обязательно быть самым сильным или драться лучше всех. Докажи, что ты лучший, самый умный. Давай, Маркус, покажи им всем, чего ты стоишь».

В ответ Маркус не проронил ни слова. Отец молча вышел из комнаты, а Маркус поклялся сам себе, что вылезет из кожи вон, но станет известным и уважаемым человеком, конечно же, очень влиятельным, занимающим важный пост. И все те, кто издевался над ним и унижал из-за проклятых галош, будут искать встречи с ним и набиваться в друзья, просить помощи в сложных ситуациях.

Маркус учился как одержимый. Днями и ночами сидел за учебниками, его больше не трогали насмешки одноклассников, не огорчало отсутствие друзей — ему было некогда об этом думать.

По старым журналам из библиотеки он научился играть в шахматы и часто вечер проходил за партией с самим собой. Маркус читал биографии великих людей, и в одной из них было написано, что шахматы — непременный атрибут успешного человека, ничто так не развивает интеллект и стратегическое мышление, как эта древняя игра.

Маркус стал ежедневно заниматься спортом: бег по утрам, подтягивание на турнике, который сделал ему отец, в любую погоду отжимания на свежем воздухе. В книге об известном полководце он прочел, что тот стал великим и выиграл не одно сражение благодаря установкам «в здоровом теле — здоровый дух» и «спорт формирует характер».

Позже, когда его спрашивали, что помогло ему достичь такого успеха, Маркус улыбался и отвечал: «Старые галоши».

Галоши сыграли с ним злую шутку. С одной стороны, они закалили характер и научили идти к цели напролом, несмотря ни на что. С другой — взрастили неискоренимые комплексы, постоянно напоминающие ему о том, откуда он.

Он на дух не переносил все, что связано с богатством: дорогие автомобили, красивых женщин, роскошь — все это вызывало у него агрессию.

По окончании школы выяснилось, что диплома с высшими баллами недостаточно, чтобы учиться в университете.

Нужны деньги. Опять эти проклятые деньги, будь они неладны!

Платить нужно было совсем не много, но даже этих грошей у семьи не было.

Первое время надо было где-то жить и что-то есть. Шансом получить хорошее образование и при этом полный пансион оказалось поступить в военный институт.

Конкурс туда был сумасшедший, плюс надо было выдержать два месяца в полевом лагере в жутчайших условиях. Но Маркус выдержал. Он знал, что не выдержать нельзя — это его единственный шанс выбиться в люди, как говорил отец. И он поступил.